

ПРИЗВАНИЕ - ВОЕНКОР

Рудольф Бершадский - классический пример военного корреспондента.

Еще десятилетним мальчишкой ушел с Красной армией на Гражданскую войну.

С 1925 года начал писать корреспонденции для «Правды» и «Комсомольской правды». Публиковались там и его стихи.

В 1932 году, после окончания срочной службы в армии, поступил на философский факультет Московского института философии, литературы и истории имени Чернышевского. После войны институт вошел в структуру МГУ.

Второй его войной стала советско-финская. Результат - медаль «За боевые заслуги», книга очерков «Фронтной блокнот» и сценарий кинофильма «В тылу врага».

С первых дней Великой Отечественной войны на фронтах: Ленинградском, Калининском, Третьем Прибалтийском. Не только писал, но и участвовал в боях, за что награжден орденами и медалями.

И после войны Бершадский не удержался и прошел военными тропами вместе с вьетнамскими солдатами.

А когда вокруг не стреляли, он писал о науке. Героический ветеран стал известным популяризатором научного знания.

Подготовили
Олег ЗИНЧЕНКО,
Наталья САЙКИНА.

ИНТЕРВЬЮ

Р. Бершадский

Большую часть жилплощади в блиндаже нашей редакции занимали нары. Над самым лучшим местом их было написано: «Номера для приезжающих». Сейчас там лежал Сергей Чернин, и мы упрекали его в безделье. Он смотрел на нас молча, задумчиво, а затем убежденно произнес:

— Цинки! Двадцать строк на первую полосу и подвал на третью — больше вам ничего не нужно от человека! А вы можете понять, что я... переживаю? — и отвернулся от нас на другой бок: — Какая девушка... Какая девушка!

— Конфетка? — спросил кто-то. «Конфеткой» на языке нашей редакции называлась новость, сенсация. Сергей знал, что удивить нас чем-нибудь мудрено: сколько подвигов уже было описано каждым из нас!

В ответ на его отповедь мы решили показать его равнодушием. В самом деле: «конфетка» или нет — еще неизвестно, а он уже «переживает»! И мы демонстративно перестали замечать его, не то чтобы думать о его материале. Но какой газетчик стерпит такое отношение к «своим» новостям? Сергей вскочил с нар и бросил нам вызов:

— Вам, значит, не интересно, с чем я вернулся? Не интересно? Хорошо! Но, все равно, вы врете!

Это было правильно. Сергей уверенно продолжал:

— Вы убеждены, что я пригостишка, новорожденный, что я ничего путного достать не могу? Мальчишки! Садитесь в кружок, рвите на себе волосы и слушайте. Вы ничего не прозевали в энской дивизии? Конечно! Что вам Бабкина! Что вам, что она представлена к ордену! Ну, застрелила двух трусов, вытащила на себе раненого летчика, который упал между нашими передовыми и немецкими...

Чорт возьми, мы, кажется, впрямь прозевали стоящий материал!

— А девушка какая!.. Кто-то поном уже побежденного спросил Сергея:

— Ты долго с нею беседовал?

— Нет, я еще не видел ее, мне рассказал о ней комиссар дивизии. Кстати, забыл добавить: она, ко всему прочему, вывезла на себе с поля боя подбитую противотанковую пушку.

Сергей говорил об этом так, будто хвастался, рассказывая о собственной победе.

Мы усомнились:

— Одна?

Но, видя, что поле боя — за ним, Сергей не счел нужным обращать внимание на придирки и отрезал:

— Нет, вместе с тобою...

Если бы мы могли увидеть, как мы отплатили ему за этот дерзкий ответ! Все, кто был в блиндаже, — все мы в ту же минуту заржали. Как по команде! Мы раскачивались из стороны в сторону, ухватившись за животы, мы буквально катились по нарам от смеха, правда, не забывал при этом все время быть на глазах у Сергея, чтобы испуганно заметавшийся свет единственной свечи не по-

мешал ему видеть, до какого гомерического веселья он довел каждого из нас.

Сергей хотел возразить. Куда там! Мы засмеялись еще громче.

— Сергей, зачем ты одеваешься? Ты спленишь к ней? Сережа, не влюбись! Если она станет твоей женой, она будет по утрам упражняться тобою вместо гири!

Он бросил нам: «Тупицы! Першероны!» Последнее слово было подхвачено тут же:

— Вот спасибо, подсказал! А то бы мы ни за что не вспомнили, как называются эти тяжеловозы...

Мы бы окончательно затюкали его — без злобы, без яда, просто, очень хочется смеяться на фронте, — так вот, мы бы окончательно затюкали его, но в эту минуту в блиндаж вошел редактор. Он был человек вечно занятый, и смех при нем звучал просто-таки оскорблением. Он строго посмотрел на всех, и хотя улыбки быстро улетучивались с наших лиц, они все же не могли исчезнуть сразу.

— Что, никто не работает? — спросил редактор.

Мы с трудом взяли себя в руки.

— Да, товарищ батальонный комиссар, отвлеклись немного. Тут Чернин рассказывает об одной замечательной сандружиннице, — кто-то не выдержал и прыснул за спиной редактора. — Надо бы поехать к ней, мы думаем.

— Что ж, пускай и съездит. А чем она оличилась, товарищ Чернин?

Сергей вытянулся, как на смотре, и не ответил — отработовал:

— Одна вытащила на себе из боя подбитую пушку.

Редактор не понял, что тон Сергея — вызов, направленный в нашу сторону, и счел нужным прекратить разговор, который велся в тоне, показавшемся ему неподобающим.

— Одна? На себе? Героический поступок. Но, по-моему, вы все-таки не о ней говорили. Тут смеялись над чем-то?

Мы кое-как убедили редактора, что это ему показалось.

— Хорошо, продолжайте работать.

* * *

Мы с нетерпением ожидали сержинской поездки. И вот, когда он вернулся, мы услышали самое замечательное. Надо сказать прямо, что отпирался Сергей в дивизию уже без всякого подбоя. Вдруг, действительно, мы окажемся правыми, и он столкнется с пожилым гренадером...

И как хотелось ему, чтобы она, вот возьми, да и оказалась бы такой, какой он с самого начала себе ее представил! Хотя бы нам назло такой оказалась!

Впрочем, могло быть и другое. Он ведь вообще был романтиком, наш долговязый Сережа Чернин. Услышав от комиссара дивизии о такой необыкновенной товарищ Бабкиной, он, вероятно, в тот же момент создал себе ее образ, и это был образ его мечты.

Наконец Сергей вернулся, и мы не пожалели, что были неправы. Товарищ Бабкина — эта в нашем пред-

ставлении силачка, громадина, Иван Поддубный (простите, Ася, какую только мы вас не изображали заочно!) — оказалась худенькой ясноглазой девушкой, и лишь одним отличалась от портрета, нарисованного нам Сергеем заранее, — мягкие льняные волосы ее не были заплетены в косы, а коротко-коротко острижены: Ася только что перенесла крупное воспаление легких. Сергей был старше ее на четыре года и выше на две головы. Но несмотря на это, несмотря на то что был прирожденным газетчиком и взял на своем веку не один десяток интервью, он все-таки смутился — впервые в жизни, — когда остался с глазу на глаз с этой девушкой.

Чтобы скрыть это смущение, он повел с нею разговор в сугубо строгих тонах:

— Товарищ Бабкина, это правда, что вы вытащили на себе противотанковую пушку?

Пришла асина очередь смущаться. Она покраснела:

— Нет, я не смогла с нею справиться. Я прицепила ее к санитарной двуколке.

Сергей облегченно вздохнул, но не показал виду:

— Тогда расскажите, как вы пристрелили двух трусов.

Ася удивленно посмотрела на своего неожиданного следователя:

— Я никого не расстреливала.

— То есть как «никого»? Но вы заставляли кого-то идти в атаку?

— Я сказала одному, который лежал в окопе, чтобы он встал — пора уже. Но только я в него не стреляла...

— А что же?

— Ну, я сказала ему. Он встал. Встал и стоит. Я тогда подтолкнула его. Знаете, я очень рассердилась.

Сергей с воодушевлением рассказывал нам обо всей этой беседе с Асей Бабкиной:

— Я ей задаю вопрос: «Ася, а как вы летчика вытаскивали?» А она отвечает: «Я сказала одному бойцу: «Пойдемте вместе: он, наверное, тяжелый!» Ну, пошли...» — «Это, что же, — спрашиваю, — ночью было? Немцы не видали вас, не обстреливали?» — «Нет, они стреляли. Но только я маленькая, в меня попасть трудно.» — «И кто же тащил летчика: вы или боец?» — «Я. Мне казалось, ему так больше нравится.» — «А самолет подожгли? Или разоружили?» — «Разоружила, конечно.» — «Однако! У вас достало сил тащить на себе и летчика и спаренную установку?» (Мне, ребята, и в голову не пришло, что она не знает про то, что пулеметы на самолетах спаривают!) А она говорит: «Так там же ничего тяжелого не было: только один пистолет летчика в кабине валялся.» — Я рассмеялся, спрашиваю: «Ася, сколько вам лет?» Она вдруг разобиделась и отвечает сердито-сердито: «Уже восемнадцать. Что из того?» Вы понимаете, ребята, какая девушка!..

Мы улыбались и молчали. Никому бы и в голову не пришло больше трунить над Сергеем.

НАШ САЙТ

SOUZVECHE.RU

СОЮЗНОЕ ВЕЧЕ

12+

Адрес редакции:
127015, Москва, ул. Новодмитровская,
д. 5а, стр. 8.
Тел. в Москве: +7 (495) 777-02-82
(доб. 3343)
E-mail: souzveche@souzveche.ru
220013, Минск,
ул. Б. Хмельницкого, д. 10а.
Тел. в Минске: +375 173110211
E-mail: infong@sb.by

Главный редактор
Светлана Владимировна КАМЕКА
Первый зам. главного редактора
Лариса Павловна РАКОВСКАЯ
Газета зарегистрирована в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия РФ.
Регистрационный номер
ПИ № ФС 7754482 от 17.06.2013

RU - BY
(Россия - Беларусь)

Учредитель:
Парламентское Собрание
Союза Беларуси и России.
Ежедневная газета
Парламентского Собрания Союза
Беларуси и России

Российский выпуск
№ 35 (1111)
30 июля - 5 августа 2025 г.

Союзное Вече

Размещенные в газете материалы не подлежат
использованию другими лицами в какой бы
то ни было форме без разрешения правообладателя.
Приобретение авторских прав:
8 (495) 777-02-82 (доб. 8800)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Номер подписан: 29 июля 2025 г. в 16.00
По графику: 16.00

RUBV. Новости
России и Беларуси

Отпечатано:
ООО «Типография КомПресс-Москва».
Адрес: Нагорное шоссе, д. 2,
Московская обл., г. Химки, 141407.
Тип. № 2967.

Общий тираж 314 427 экз.
Тираж по РФ 300 000 экз.
Тираж по РБ 14 427 экз.

Вече

